

КАТЕГОРИЯ «РАВЕНСТВО» В ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

Груздев Владислав Владимирович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник управления научно-исследовательской деятельности, Костромской государственной университет, Кострома, Россия; профессор кафедры теории и истории государства и права, Донбасский государственный университет юстиции, Донецк, Донецкая Народная Республика, Россия, VGruzdev@ksu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6315-8399>

Груздева Мария Львовна, доктор философских наук, доцент, профессор, Военная академия радиационной, химической и биологической защиты имени Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко, Кострома, Россия, maria.gruz2020@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7452-3347>

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы государственной молодежной политики России в условиях ведущихся «новых войн». Отмечая важность категории «равенство» в представлениях современной молодежи о должном и правильном, определяется корреляция данного понятия с принципами реализации государственной молодежной политики и ее целями. Рассмотрение эффективности молодежной политики предлагается проводить с учетом ее оценки применительно к категории «равенство» как принципу и цели молодежной политики. В связи с нестабильностью и уязвимостью фактической стороны равноправия обосновывается вывод о том, что анализ категории «равенство» необходимо вести также применительно к реальному поведению субъектов, в котором происходит претворение, воплощение правовых норм в жизнь – применительно к ключевым стадиям правового регулирования, к развертыванию правоотношения. Данный методологический подход позволит получить реальную картину правовой составляющей молодежной политики на стадии процесса ее реализации, а также в качестве результата действия комплекса мер ее осуществления.

Ключевые слова: молодежь, политика, конституция, равенство, правоотношение, равноправие, эффективность, правовое регулирование.

Благодарности: исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации FZEW-2023-0003.

Для цитирования: Груздев В.В., Груздева М.Л. Категория «равенство» в оценке эффективности правового регулирования общественных отношений в сфере молодежной политики // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 4. С. 150–158. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-150-158>

Research Article

CATEGORY “EQUALITY” IN ASSESSMENT EFFECTIVENESS OF LEGAL REGULATION OF PUBLIC RELATIONS IN THE FIELD YOUTH POLICY

Vladislav V. Gruzdev, Doctor of Jural Sciences, Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia; Donbass University of Justice, Donetsk, VGruzdev@ksu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6315-8399>

Maria L. Gruzdeva, Doctor of Philosophic Sciences, Associate Professor, Military Academy of Radiation, Chemical and Biological Defence named after Marshal of the Soviet Union S.K. Timoshenko, Kostroma, Russia, maria.gruz2020@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7452-3347>

Abstract. The article discusses issues of state youth policy in Russia in the context of ongoing “new wars”. Noting the importance of the category “equality” in the ideas of modern youth about what is proper and right, the correlation of this concept with the principles of implementation of state youth policy and its goals is determined. It is proposed to consider the effectiveness of youth policy taking into account its assessment in relation to the category of “equality” as the principle and goal of this policy. In connection with the instability and vulnerability of the actual side of equality, the conclusion is substantiated that the analysis of the category “equality” must also be carried out in relation to the real behavior of subjects in which the implementation and implementation of legal norms takes place – in relation to the key stages of legal regulation, to

the deployment legal relations. This methodological approach will allow obtaining a real picture of the legal component of youth policy at the stage of the process of its implementation, including the result of a set of measures for its implementation. Accordingly, verification of the actual performance of state youth policy measures according to the criterion of ensuring equality of opportunity can be carried out by receiving feedback – studying the attitude of young people to these mechanisms. With this approach, we will be faced with a fairly objective situation (as far as it can be in the context of the action of many social regulators), expressed not only in the possible (allowed) behaviour of a person belonging to the socio-demographic group of young people stipulated by the legal norm in satisfying their legitimate interests in development and self-realisation guaranteed by objective law, but also the direct realisation of rights in this area through their implementation. In turn, the analysis carried out at this level will allow assessing, firstly, the degree of equal access of youth, young families, youth public associations to appropriate measures of state support as the currently existing reality of the implementation of the principle of youth policy; secondly, the effectiveness of the implementation of youth policy in terms of ensuring equal conditions for the spiritual, cultural, intellectual, mental, professional, social and physical development and self-realisation of youth as one of the goals of youth policy and, to a certain extent, as a value of the legal form as a whole.

Keywords: youth, politics, constitution, equality, legal relationship, equality, efficiency, legal regulation

Acknowledgments. The study was carried out within the framework of the State Task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation FZEW-2023-0003.

For citation: Gruzdev V.V., Gruzdeva M.L. Category “equality” in assessment effectiveness of legal regulation of public relations in the field youth policy. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 150–158. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-150-158>

Введение. В настоящее время Россия находится в состоянии так называемой «новой войны» – типа доминирующего конфликта XXI века, фронт которого располагается в нескольких измерениях. В зоне специальной военной операции проходит лишь часть противостояния – горячая фаза боевых действий. Это конфликт нового типа, в котором активными субъектами являются сети государственных и негосударственных участников, а основная масса насилия направлена против гражданского населения. Данное противостояние одновременно глобально и локально, в нем размыто различие между внутренним и внешним, оно отличается от классических межгосударственных и гражданских войн [Калдор 2016: 20–21].

В послании к Федеральному Собранию 21 февраля 2023 г., говоря про цели элит коллективного Запада, Президент Российской Федерации В.В. Путин особо подчеркнул, что «...они также не могут не отдавать себе отчёт в том, что победить Россию на поле боя невозможно, поэтому ведут против нас всё более агрессивные информационные атаки. Целью выбирают, прежде всего, конечно, молодых людей, молодые поколения...»¹.

Такой акцент не является случайным. Граждане, входящие в социально-демографическую группу молодежи, уже завтра будут определять все основные векторы развития государства и общества. Составляя почти 30 % населения нашей планеты, молодежь является носителем нравственного, интеллектуального и физического потенциала.

Сложнейшие проблемы формирования личности во все времена относились к числу приоритетов внутренней политики, которые государство не может игнорировать и которые с той или иной степенью успешности стремятся решать. Действенным ин-

струментом защиты прав и законных интересов молодежи, обеспечения необходимых условий для участия молодежи в различных сферах жизни общества, формирования системы нравственных и смысловых ориентиров и культуры семейных отношений призвана быть молодежная политика.

В пункте 2 статьи 4 федерального закона от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации»² закреплено, что одной из целей молодежной политики является *обеспечение равных условий* (выделано нами – В. Г., М. Г.) для духовного, культурного, интеллектуального, психического, профессионального, социального и физического развития и самореализации молодежи. В том же нормативном правовом акте открытость и *равный доступ* (выделано нами. – В. Г., М. Г.) молодежи, молодых семей, молодежных общественных объединений к соответствующим мерам государственной поддержки определен в качестве принципа молодежной политики (пункт 4 статьи 5). Законодатель, таким образом, конституирует категорию «равенство» в качестве значимого элемента не только процесса, но и результата молодежной политики.

Осмысление сущности категории «равенство» применительно к реализации молодежной политики принципиально важно по причине того, что существует достаточно тесная связь между понятиями «равенство» и «справедливость». Ученые достаточно единодушны в том, что жизненные стратегии российской молодежи основываются, прежде всего, на доступе к институциональным ресурсам [Чупров, Зубок, Уильямс 2001: 103]. При этом равенство возможностей оценивается и воспринимается как принцип реализации жизненных стратегий и социальная справедливость [Некрасов 2017: 122–123].

В этом отношении показательны результаты онлайн-анкетирования и фокус-групповые интервью молодых людей, проводившиеся в 2021 году. Среди наиболее часто использовавшихся для определения справедливости категорий присутствуют сразу три равенства: просто «равенство» (без каких-либо пояснений/уточнений либо же когда из контекста ответа было понятно, что речь идет о равенстве в экономическом смысле), равенство возможностей и равенство перед законом (равноправие). Это, по мнению исследователей, во многом может являться своеобразными маркерами того, чего сегодня молодежи больше всего не хватает [Казаков 2022: 117–118].

В докладе о реализации молодежной политики в современных условиях 2022 года³ достаточно полно рассмотрены ценности, установки, планы и запросы молодежи, а также экосистема и меры по развитию молодежной политики. Но в то же время остается открытым вопрос о том, что современная российская молодежь считает правильным или неправильным, справедливым или несправедливым? По данному критерию молодые люди оценивают не только меры государственной поддержки своей социальной группы, но и всю молодежную политику Российской Федерации. Представления молодежи о должном и правильном, являясь основой норм морали, которые вместе с правом выполняют единую социальную функцию по регулированию общественных отношений, должны приниматься во внимание при разработке государством комплекса мер, направленных на создание условий для развития молодежи, в том числе соответствующих государственных программ.

Кроме того, обеспечение справедливых условий для развития и самореализации молодежи, а также равный доступ к соответствующим мерам государственной поддержки молодежи обуславливают не только легитимность государственной власти, но и высокий уровень эффективности реализуемых государством мер в данной сфере.

Методологический подход. В государственной молодежной политике важную роль играет ее правовая форма, поскольку она претворяется в жизнь посредством правовых актов и иных юридических средств. В этой связи представляется важным также акцентировать внимание на рассмотрении государственной молодежной политики Российской Федерации в качестве научно обоснованной, последовательной и системной деятельности государственных органов и институтов гражданского общества по созданию эффективного механизма правового регулирования, по цивилизованному использованию юридических средств в достижении целей [Малько 2012: 34].

Следуя логике законодателя, категорию «равенство» необходимо раскрыть применительно в цели молодежной политики России, того, что характери-

зуется в качестве должного, – ценностном правовом идеале, которого требуется достигнуть посредством целесообразной деятельности. Данный методологический подход одновременно позволит изучить «равенство» в качестве принципа реализации молодежной политики, установив фактическое положение дел по обеспечению равенства возможностей субъектов, относящихся к молодежи, тем самым определив контуры и пределы нормализации сущего.

Методологической порок рассмотрения частных вопросов без предварительного решения общих, а также закономерный результат такой ошибки – неминуемость встречи на дальнейших этапах исследования данных «общих вопросов» – предопределяют изучение равенства не только в нормах Основного закона, дающих высшие правовые гарантии прав и свобод человека и гражданина, но и в правоотношениях, выступающих связующим звеном между нормами объективного права и фактическими отношениями. Это позволит выработать действенный механизм оценки реальной эффективности правового регулирования общественных отношений в сфере молодежной политики.

Равенство в Конституции Российской Федерации. В части 2 статьи 19 Конституции Российской Федерации провозглашается, что «государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств». Перечень признаков, по которым государство гарантирует равенство прав и свобод, носит открытый характер, на что указывает фраза «...а также других обстоятельств». Это означает, что в случае наличия свойств (систем свойств) человека или иных признаков, по которым тот или иной человек будет отличаться от других людей, государство гарантирует равенство прав и свобод таких субъектов. При этом основным становится вопрос определения допустимых и возможных средств и механизмов обеспечения равенства прав и свобод человека и гражданина для уравнивания неодинаковых возможностей, которые производны от разного фактического положения людей.

Можно выделить несколько подходов к интерпретации конституционного принципа равенства.

Б.С. Эбзеев считает, что принцип правового равенства имеет широкое значение, выраженное в ч. 1 ст. 19 Конституции РФ: «Все равны перед законом и судом». Обосновывается это тем, что, поскольку одной из основ сформированной государственности является конституированное в Основном законе социальное неравенство, речь идет о равенстве правовых воз-

возможностей различных по своему социальному статусу и имущественному положению, способностям и ожиданиям людей и равенстве в законопослушании. И это не является фактическим равенством. Следовательно, равенство перед законом и судом, утверждая равное политическое и социальное значение людей, не означает экономического равенства и не упраздняет социального неравенства, как не упраздняет его и социальное государство» [Эбзеев 2019: 315–317; Эбзеев 2007: 232–235]. Ученый не соглашается с интерпретацией данного конституционного принципа в качестве формального равенства как равенства социально-экономического, поскольку это не соответствует конституционной модели свободы и прав личности и может породить неадекватную правоприменительную практику [Эбзеев 2014: 269]. В данной интерпретации конституционного принципа равенства принципиально важным здесь представляется указание автора на равенство правовых возможностей.

Некоторые ученые указывают, что конституционное равенство повсеместно не исчерпывается формально-юридическими параметрами и с необходимостью учитывает также фактическое положение дел. При несовпадении смыслов конституционного и формального (юридического) равенства приоритет остается за первым. Отмечается, что номинальные принципы справедливости, равенства, добросовестности и разумности, существуя одновременно в различных контекстах и дискурсах, нуждаются поэтому в конституционной интерпретации и предполагают ее применительно к конкретным обстоятельствам правоупотребления [Крусс 2007: 443, 444, 446; 10].

Другие полагают, что в качестве основополагающей выступает юридическая идея всеобщей формальной одинаковости, которая является только ядром правового равенства. И если бы система юридических норм была единой, недифференцированной и одинаково обязательной для каждого субъекта, то равная правовая мера превратилась бы в уравниловку. Поэтому имеются отдельные категории граждан, физиологические, возрастные и другие особенности которых порождают неравенство фактических возможностей людей в общественных отношениях. Социальная справедливость в подобных случаях восстанавливается путем принятия специальных юридических норм, вводящих для отдельных категорий лиц специальные нормы, направленные на учет их фактического состояния, государственную поддержку и т. д. Такое выравнивание, имеющее целью установить реальное равенство правовых возможностей, соответствует принципу социальной справедливости. Но для того, чтобы правовая мера выражала реальное равенство правовых возможностей, обеспечивающие ее юридические нормы должны дифференцироваться обоснованно [Проблемы... 2016].

В последнем подходе остается неясным вопрос о том, что авторы понимают под «реальным равенством правовых возможностей». Если это равенство субъективных прав, то этот вопрос достаточно определенно характеризует часть 2 статьи 19 Конституции РФ. Если же имеется в виду такой вид непосредственной реализации права, как использование правовых норм, выраженный в совершении фактических действий в мере, определенной субъективными правами, то в данном случае более точно говорить о реализации прав в конкретных актах поведения субъектов, то есть не о сфере возможного, а о сфере действительного.

Равенство и правоотношение. В этой связи поновому раскрываются парадоксальные, на первый взгляд, выводы Аристотеля о том, что «...справедливость, как кажется, есть равенство, и так оно и есть, но только не для всех, а для равных; и неравенство также представляется справедливостью, и так и есть на самом деле, но опять-таки не для всех, а лишь для неравных» [Аристотель 2003: 459]. В данном случае происходит своего рода «подтягивание» фактического положения субъектов до определенного уровня для того, чтобы возможность, заключенная в субъективных правах, могла из модели воплотиться в реальность и действительность фактического правомерного поведения. И такое выравнивание посредством использования специальных правовых средств находится в логическом ряду с конституционными гарантиями равенства прав и свобод человека и гражданина. Полагаем, что в данном случае следует вести речь о позитивном равенстве, то есть результате использования правовых средств, которые восполняют недостатки или особенности тех или иных свойств субъектов, оказывающих воздействие на динамику правоотношений, а также того, что составляет материальное содержание правоотношения – фактические положительные действия, которые управомоченное лицо может совершать.

Следующий за этим вывод о выделении понятия «негативное равенство» в качестве результата действия правовых средств обеспечения, которые сдерживают (ограничивают) действия субъектов, имеющих значительные социально-экономические ресурсы, представляется неочевидным и верен лишь отчасти – в качестве теоретической конструкции. Дело в том, что, с одной стороны, есть конституционный запрет любых форм ограничений прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (статья 19 Конституции РФ). С другой стороны, нет смысла ограничивать фактическое поведение субъекта по реализации своего субъективного права, у которого пределы и границы обозначены самим субъективным правом. Следует учитывать и правило части 3 статьи 17 Конституции

туции РФ относительно того, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.

В.Н. Кудрявцев справедливо указывает на нестабильность и уязвимость фактической стороны равноправия, предлагая для уяснения реального положения в данной сфере проводить анализ возникновения, реализации и прекращения правоотношений [Кудрявцев 2007: 43–46]. Если верно, что с проблемой перехода возможности в действительность при анализе правоотношений приходится сталкиваться дважды (в процессе анализа реализации нормы в правоотношении – когда эта общая абстрактная норма закона превращается в субъективные права и обязанности его участников, а также когда права и обязанности реализуются в конкретных актах поведения [Халфина 1974: 204–205]), то закономерен вывод о том, что анализ категории «равенство» необходимо проводить также применительно к реальному поведению субъектов, в котором происходит претворение, воплощение правовых норм в жизнь.

В юридической науке разделяется право в объективном и субъективном смыслах. В объективном смысле – это система правил поведения (норм), выраженная в законах и иных нормативных правовых актах. В субъективном значении – это возможность совершения определенных действий субъектами права, которая основана на законе.

Ранее один из авторов пришел к выводу, что общее понятие «субъект права» не может рассматриваться как состояние, предусматривающее совокупную а) возможность участия в различных правоотношениях и б) реальное в них участие. Поэтому необходимо более узкое понятие – участника правоотношения, которое предоставляет возможность охарактеризовать определенную сторону реального бытия субъекта права – его участие в конкретных общественных отношениях [Груздев 2008: 58]. Конструкция правоотношения является той узловой точкой, где юридическое и фактическое встречается, переводя возможность в действительность.

Равенство и эффективность правового регулирования. Наука устанавливает связь между правовым обеспечением и реальным управлением с одной стороны и фактическими результатами с другой. Необходимо выявлять и определять уровни реального воздействия права на управление, выделяя корреляции, которые способствуют эффективному «складу» права в обеспечении эффективности управления [Правовое 2022: 17].

В этом отношении важную роль имеет понятие эффективности действия правовых норм, которую большинство сторонников классического подхода к правопониманию определяют как соотношение между фактическим результатом их действия и теми

социальными целями, для достижения которых эти нормы были приняты [Никитинский 1971: 32; Эффективность 1980: 22; Еремина, Волкова, Путило: 39]. В такой трактовке, исходя из необходимости последующего определения степени достижения социального результата, выраженного в обеспечении равных условий для духовного, культурного, интеллектуального, психического, профессионального, социального и физического развития и самореализации молодежи, следует оценивать цель государственной молодежной политики.

В литературе справедливо отмечают проблемы, связанные с рассмотрением эффективности правового регулирования в качестве его результативности. Так, например, указывается на присутствующую в любом результате правового регулирования двойственность и, соответственно, невозможность его оценки или позитивно, или негативно [Гишинский 2007: 33–34]. Признавая комплексность воздействия всех социальных факторов на результат, констатируется факт того, что под исключительным воздействием права формируется лишь небольшая часть поведенческих актов [Toorman, Jørgensen 2005: 524].

Также обосновываются альтернативные модели эффективности права. Одни ученые связывают «сущность» не с функцией права, а с самой формой общих и абстрактных правил поведения, способных усиливать и порождать предвидимость результатов социальных процессов, обеспечивая стабильность и нейтральность правовой формы, понимаемой как отсутствие дискриминации и избирательности. При этом уникальность правовой формы в целом также видят и в ее ориентации на обеспечение принципа равенства субъектов права [Эффективность 2010: 46, 55, 56]. Другие предлагают антропологические критерии эффективности, учитывающие восприятие регулирующего воздействия нормативных правовых актов в правосознании и в практике их реализации [Эффективность 2017: 88–89]. Как представляется, выход из сложившейся проблемы может быть в интеграции разных подходов.

Вместе с тем, исходя из необходимости определения степени достижения социального результата как цели государственной молодежной политики, которую законодатель раскрывает через обеспечение равных условий для духовного, культурного, интеллектуального, психического, профессионального, социального и физического развития и самореализации молодежи, следует оценивать эффективность молодежной политики в Российской Федерации. А вводя в оценку уровня эффективности критерий обеспечения принципа равенства субъектов молодежной политики, мы выстраиваем закономерную связь между, с одной стороны, ценностью стабильности и предсказуемости правового регулирования, с другой – ре-

зультативностью действия правовых норм, имеющих общий характер.

Поскольку правовое регулирование как институциональный и познавательный механизм установления нормативно-юридических правил поведения (деятели), обязательных или рекомендательных, их обеспечения и реализации является процессом длящимся, имеющим несколько этапов [Тихомиров 2010: 27], оценку правового равенства как принципа молодежной политики (который, напомним, молодежью оценивается и воспринимается как принцип реализации жизненных стратегий и социальную справедливость) необходимо провести применительно к ключевым стадиям правового регулирования. Если быть более точным – к возникновению и развертыванию правоотношения.

Так, например, Правила предоставления грантов в форме субсидий из федерального бюджета победителям Всероссийского конкурса молодежных проектов, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 15.09.2020 № 1436⁴, устанавливают, что гранты предоставляются физическим лицам и образовательным организациям, отобранным по результатам проведения конкурса. При этом отбор победителей конкурса осуществляется на основании оценки проекта по критериям, в число которых входят: опыт и компетенции команды проекта (пп. в, пункт 14), собственный вклад и дополнительные ресурсы проекта (пп. д, пункт 14). Вполне очевидно, что возможности стать победителями в данном конкурсе и получить грант в форме субсидий будут не у всех молодых людей одинаковыми.

Фиксируя социально-демографическую группу лиц, относящуюся к молодежи, на которую распространяется действие юридических норм в данный момент времени, закрепляя условия, которым они должны соответствовать, определяя модели вариантов их поведения, а также запуская в действие специальные юридические средства обеспечения субъективных прав и обязанностей, правоотношение предстает в качественно иной связи, отличной от иных зависимостей, существующих в правовой системе. Оно выступает средством перевода («переключения») юридических норм в плоскость индивидуализированных связей, то есть в плоскость субъективных прав и обязанностей для данных субъектов [Алексеев 2008: 338].

Поскольку любое правоотношение имеет свое материальное содержание, которым выступает закрепляемое и регулируемое им реальное общественное отношение [Иоффе 1961: 217], для предметного анализа целесообразно отобразить несколько блоков общественных отношений, которые будут соответствовать основным направлениям молодежной политики, определенным в пункте 1 статьи 6 федерального за-

кона от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». При учете реальных приоритетных ценностей современной российской молодежи [Ценностные 2017: 49]⁵, которые сами молодые люди считают для себя значимыми, основные направления молодежной политики Российской Федерации, которые необходимо оценить на предмет ее эффективности, предстают в следующем составе:

- поддержка молодых граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, инвалидов из числа молодых граждан, а также лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей;
- организация досуга, отдыха, оздоровления молодежи, формирование условий для занятий физической культурой, спортом, содействие здоровому образу жизни молодежи;
- предоставление социальных услуг молодежи;
- содействие решению жилищных проблем молодежи, молодых семей;
- поддержка молодых семей;
- содействие образованию молодежи, научной, научно-технической деятельности молодежи;
- выявление, сопровождение и поддержка молодежи, проявившей одаренность;
- обеспечение гарантий в сфере труда и занятости молодежи, содействие трудоустройству молодых граждан, в том числе посредством студенческих отрядов, профессиональному развитию молодых специалистов;
- поддержка и содействие предпринимательской деятельности молодежи⁶.

Соответственно, и верификацию реальной работоспособности мер государственной молодежной политики по критерию обеспечения равенства возможностей можно будет провести посредством получения обратной связи – изучения отношения молодежи к данным механизмам на всех стадиях их реализации. При этом оценка обеспечения равных условий для развития и самореализации молодежи, которая обозначена законодателем в качестве цели молодежной политики, будет максимально объективной.

Заключение. Один английский судья однажды остроумно заметил, что закон, как и отель «Риц», открыт одинаково для всех – и бедных, и богатых. Для исключения корреляции негативной стороны данного логически безупречного тезиса с практикой государственной молодежной политики, а также минимизации отрицательных социальных результатов и последствий требуется ответить на вопрос о том, какова роль правового регулирования в системе иных социальных регуляторов в сферах, в которых молодежь имеет объективный интерес. Но для этого необходимо произвести анализ правовой формы на уровне развертывания правоотношений от абстрактной нормы права до реального поведения.

При этом подходе перед нами предстанет достаточно объективная ситуация (насколько она может таковой быть в условиях действия множества социальных регуляторов), выраженная не только в предусмотренном юридической нормой возможном (дозволенном) поведении лица, относящегося к социально-демографической группе молодежи по удовлетворению своих законных интересов по развитию и самореализации, гарантируемых объективным правом, но и с фактическим преломлением правовой модели в непосредственную реализацию прав в этой сфере путем их осуществления.

В свою очередь, проведенный на данном уровне анализ позволяет оценить эффективность молодежной политики по значимым для молодежи критериям, поскольку будет определена:

– во-первых, степень равного доступа молодежи, молодых семей, молодежных общественных объединений к соответствующим мерам государственной поддержки в качестве имеющейся в настоящее время реальности осуществления принципа молодежной политики;

– во-вторых, уровень обеспечения равных условий для духовного, культурного, интеллектуального, психического, профессионального, социального и физического развития и самореализации молодежи как цель молодежной политики Российской Федерации.

Примечания

¹ Послание Президента Федеральному Собранию 21.02.2023 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565> (дата обращения: 27.02.2023).

² Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Российская газета. № 1. 11.01.2021.

³ См.: Доклад о реализации молодежной политики в современных условиях. Москва: Государственный Совет Российской Федерации, 2022.

⁴ Об утверждении Правил предоставления грантов в форме субсидий из федерального бюджета победителям Всероссийского конкурса молодежных проектов: постановление Правительства РФ от 15.09.2020 № 1436: (ред. от 28.06.2022) // Собрание законодательства РФ. 28.09.2020. № 39. Ст. 6033.

⁵ По мнению экспертов, наиболее приоритетными ценностями современной российской молодежи являются ценности материального достатка, карьеры, общения, самовыражения, индивидуализма.

⁶ Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Российская газета. 11.01.2021. № 1.

Список литературы

Алексеев С.С. Общая теория права: учебник, 2-е изд. Москва: Проспект, 2008. 565 с.

Аристотель. Политика // Сочинения: в 4 т. Т. 4. Москва: Мысль, 1983. 830 с.

Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» / Ассоц. «Юридический центр». 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург: Изд-во Р. Асланова: Юридический центр Пресс, 2007. 525 с.

Груздев В.В. Спорные вопросы соотношения правоспособности и субъективного права // Государство и право. 2008. № 1. С. 52–59.

Еремина О.Ю., Волкова Н.С., Путило Н.В. Эффективность государственного управления в социальной сфере: генезис правового регулирования: науч.-практ. пособие / отв. ред. О.Ю. Еремина. Москва: Проспект, 2022. 120 с.

Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. Москва: Госюриздат, 1961. 381 с.

Казаков А.А. Ценность справедливости в представлениях современной молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 114–120.

Калдор М. Новые и старые войны: организационное насилие в глобальную эпоху. Москва: Изд-во Института Гайдара, 2016. 416 с.

Крусс В.И. Конституционализация фискально-экономических обязанностей в Российской Федерации: монография. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2017. 303 с.

Крусс В.И. Теория конституционного правопользования. Москва: Норма, 2007. 752 с.

Кудрявцев В.Н. Равноправие и равенство. Москва: Наука, 2007. 181 с.

Малько А.В. Теория правовой политики. Москва: Юрлитинформ, 2012. 328 с.

Молодёжь в обществе риска / В.И. Чупров, Ю.А. Зубок, К. Уильямс; Рос. акад. наук. Ин-т соц.-полит. исслед., М-во образования РФ. Департамент по молодёж. политике. Москва: Наука, 2001. 229 с.

Некрасов Е.Е. Стратегии равенства возможностей как способ самоорганизации молодежи // Гуманитарий юга России. 2017. № 4. С. 116–125.

Никитинский В.И. Эффективность норм трудового права / Всесоюз. науч.-исслед. ин-т сов. законодательства. Москва: Юрид. лит., 1971. 247 с.

Правовое управление в кризисных ситуациях: монография / С.Б. Бальхаева, Х.И. Гаджиев, С.А. Грачева и др.; отв. ред. Ю.А. Тихомиров; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Москва: Проспект, 2022. 280 с.

Проблемы реализации принципов права в предпринимательской деятельности: монография / Андреев В.К. и др.; отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова; Российская акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ, Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, юрид. фак-т. Москва: Юстицинформ, 2016. 339 с.

Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика / Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Российское правотворческое о-во. Москва: Формула права, 2010. 398 с.

Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. Москва: Юридическая литература, 1974. 352 с.

Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодежной политики: результаты исследования: монография / О.Л. Бегичева, С.А. Гришаева, М.Б. Поляков и др.; Мин-во образования и науки РФ, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления». Москва: Гос. ун-т управления, 2017. 131 с.

Эбзеев Б.С. Конституционное право России: учебник. Москва: Проспект, 2019. 768 с.

Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. Москва: Норма, 2007. 384 с.

Эбзеев Б.С. Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического исследования. Москва: Проспект, 2014. 336 с.

Эффективность законодательства в экономической сфере: науч.-практ. исследование / В.М. Баранов и др.; отв. ред. Ю.А. Тихомиров; Гос. ун-т Высш. шк. экономики, Ин-т правовых исслед. Москва: Волтерс Клувер: Юридическая фирма «Контракт», 2010. 370 с.

Эффективность правового регулирования: монография / Антонов М.В. и др.; под общ. ред. А.В. Полякова и др. Москва: Проспект, 2017. 239 с.

Эффективность правовых норм / Кудрявцев В.Н., Никитинский В.И., Самощенко И.С., Глазырин В.В. Москва: Юрид. лит., 1980. 280 с.

Torpman J., Jørgensen F. Legal Effectiveness. Theoretical Developments Concerning Legal Transplants. Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie, vol. 91, 2005, pp. 515-534.

References

Alekseev S.S. *Obshchaia teoriia prava: uchebnik* [General theory of law: textbook], 2nd ed. Moscow, Prospekt Publ., 2008, 565 p. (In Russ.)

Aristotel'. *Politika* [Politics]. *Sochineniya* [Works], in 4 vols., vol. 4. Moscow, Mysl' Publ., 1983, 830 p. (In Russ.)

Chuprov V.I., Zubok Iu.A., Uil'iams K. *Molodezh' v obshchestve riska* [Youth in a risk society]. Moscow, Nauka Publ., 2001, 229 p. (In Russ.)

Ebzeev B.S. *Konstitutsionnoe pravo Rossii: uchebnik* [Constitutional Law of Russia: textbook]. Moscow, Prospekt Publ., 2019, 68 p. (In Russ.)

Ebzeev B.S. *Lichnost' i gosudarstvo v Rossii: vzaimnaia otvetstvennost' i konstitutsionnye obiazannosti* [Individual and State in Russia: Mutual Responsibility and Constitutional Duties]. Moscow, Norma Publ., 2007, 384 p. (In Russ.)

Ebzeev B.S. *Konstitutsiia, vlast' i svoboda v Rossii: opyt sinteticheskogo issledovaniia* [Constitution, Power and Freedom in Russia: Experience of Synthetic Research]. Moscow, Prospekt Publ., 2014, 336 p. (In Russ.)

Effektivnost' zakonodatel'stva v ekonomicheskoi sfere: nauchno-prakticheskoe issledovanie [The effectiveness of legislation in the economic sphere: scientific and practical research]. Moscow, Volters Kluver: Iuridicheskaia firma "Kontrakt" Publ., 2010, 370 p. (In Russ.)

Effektivnost' pravovogo regulirovaniia: monografiia [The effectiveness of legal regulation: monograph]. Moscow, Prospekt Publ., 2017, 239 p. (In Russ.)

Effektivnost' pravovykh norm [The effectiveness of legal norms]. Moscow, Iurid. lit. Publ., 1980, 280 p. (In Russ.)

Eremina O.Iu., Volkova N.S., Putilo N.V. *Effektivnost' gosudarstvennogo upravleniia v sotsial'noi sfere: genesis pravovogo regulirovaniia: nauchno-prakticheskoe posobie* [Efficiency of public administration in the social sphere: genesis of legal regulation: scientific and practical manual]. Moscow, Prospekt Publ., 2022, 120 p. (In Russ.)

Gilinskii Ia.I. *Deviantologiya: sotsiologiya prestupnosti, narkotizma, prostitutsii, samoubiistv i drugikh "otklonenii"* [Deviantology: sociology of crime, drug addiction, prostitution, suicide and other "deviations"], 2nd ed. St. Petersburg, R. Aslanov Publishing House, Legal Center Press Publ., 2007, 525 p. (In Russ.)

Gruzdev V.V. *Spornye voprosy sootnosheniia pravosposobnosti i sub"ektivnogo prava* [Controversial issues of the relationship between legal capacity and subjective right]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2008, no. 1, pp. 52-59. (In Russ.)

Ioffe O.S., Shargorodskii M.D. *Voprosy teorii prava* [Questions of the Theory of Law]. Moscow, Gosizdat Publ., 1961, 381 p. (In Russ.)

Kazakov A.A. *Tsennost' spravedlivosti v predstavleniakh sovremennoi molodezhi* [The Value of Justice in the Views of Modern Youth]. *Izvestiia Saratovskogo un-ta. Novaia ser. Ser.: Sotsiologiya. Politologiya* [Bulletin of the Saratov University. New Series. Ser.: Sociology. Political Science], 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 114-120. (In Russ.)

Kaldor M. *Novye i starye voiny: organizatsionnoe nasilie v global'noi epokhu* [New and Old Wars: Organizational Violence in the Global Age]. Moscow, Izd-vo Instituta Gaidara Publ., 2016, 416 p. (In Russ.)

Khalfina R.O. *Obshchee uchenie o pravootnoshenii* [General doctrine of legal relations]. Moscow, Iuridicheskaia literature Publ., 1974, 352 p. (In Russ.)

Kruss V.I. *Konstitutsionalizatsiia fiskal'no-ekonomicheskikh obiazannostei v Rossiiskoi Federatsii: monografiia* [Constitutionalization of Fiscal and Economic Responsibilities in the Russian Federation: monograph]. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2017, 303 p. (In Russ.)

Kruss V.I. *Teoriia konstitutsionnogo pravopol'zovaniia* [Constitutionalization of Fiscal and Economic Responsibilities in the Russian Federation: monograph]. Moscow, Norma Publ., 2007, 752 p. (In Russ.)

Kudriavtsev V.N. *Ravnopravie i ravenstvo* [Equality and equality]. Moscow, Nauka Publ., 2007, 181 p. (In Russ.)

Mal'ko A.V. *Teoriia pravovoi politiki* [Theory of legal policy]. Moscow, Iurlitinform Publ., 2012, 328 p. (In Russ.)

Nekrasov E.E. *Strategii ravenstva vozmozhnostei kak sposob samoorganizatsii molodezhi* [Strategies for equal opportunities as a way of youth self-organization]. *Humanitarii iuga Rossii* [Humanitarian of the South of Russia], 2017, no. 4, pp. 116-125. (In Russ.)

Nikitinskii V.I., *Effektivnost' norm trudovogo prava* [Effectiveness of labor law norms]. Moscow, Iurid. lit. Publ., 1971, 247 p. (In Russ.)

Pravovoe upravlenie v krizisnykh situatsiiakh: monografiia [Legal management in crisis situations: monograph]. Moscow, Prospekt Publ., 2022, 280 p. (In Russ.)

Problemy realizatsii printsipov prava v predprinimatel'skoi deiatel'nosti: monografiia [Problems of imple-

mentation of principles of law in business activities: monograph]. Moscow, Iustitsinform Publ., 2016, 339 p. (In Russ.)

Tikhomirov Iu.A. *Pravovoe regulirovanie: teoriia i praktika* [Legal regulation: theory and practice]. Moscow, Formula prava Publ., 2010, 398 p. (In Russ.)

Tsennostnye orientatsii rossiiskoi molodezhi i realizatsiia gosudarstvennoi molodezhnoi politiki: rezul'taty issledovaniia: monografiia [Value orientations of Russian youth and the implementation of state youth policy: research results: monograph]. Moscow, FGBOU VO "Gosudarstvennyi universitet upravleniia" Publ., 2017, 131 p. (In Russ.)

Torpman J., Jörgensen F. Legal Effectiveness. Theoretical Developments Concerning Legal Transplants. *Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie*, 2005, vol. 91, pp. 515-534. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.10.2024; одобрена после рецензирования 03.11.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted 10.10.2024; approved after reviewing 03.11.2024; accepted for publication 12.11.2024.